

Екатерина Дорохова,

этномузыколог,
кандидат искусствоведения,
Государственный институт
искусствознания,
Москва

Ночные свадьбы: когда день и ночь меняются местами

В наши дни магическая сущность свадебного ритуала¹ давно в прошлом; он стал принадлежностью праздничной культуры, одним из наиболее ярких и дорогостоящих развлечений. Фантазии современных молодожёнов безграничны: они обмениваются супружескими обетами на воздушных шарах и на дне моря, в экзотических странах, в исторических особняках XVIII-XIX веков... Но временные параметры торжества, как правило, остаются неизменными: день — для публичного официального оформления брака, и ночь — только для супругов.

Эта модель настолько прочно вошла в наше сознание, что большинство

В статье использованы иллюстрации из книги З. Пашковой «Пинежская свадьба»

¹ Само слово «свадьба», как известно, происходит от глаголов сводить, сваживать, то есть соединять.

фольклористов, исследующих восточнославянский свадебный ритуал, редко задаются вопросом: а в котором часу совершалось то или иное обрядовое действие? — и произвольно интерпретируют сведения, полученные при опросах сельских жителей.

Если же поставить такую цель: соотнести ход традиционной свадьбы со смежной дня и ночи, определить временную приуроченность этапов обрядового действия — нас ждёт немало удивительных открытий².

² В статье использованы материалы фольклорных экспедиций РАМ им. Гнесиных в Смоленскую обл. 1987-2000 гг., в которых автор принимал участие в качестве руководителя экспедиционной группы.

Прежде всего, обнаруживается, что многие действия повсеместно совершались только поздним вечером.

Сватовство

Вот, например, как это происходило в Брянском Подесенье.

«В сваты ходили вечером — да ещё поздно вечером! Отец жениха, брат там, если больший есть, ну, может, сестрин мужик, — чужие не ходили. Несут с собой горелку. Выпьют, договорятся, и мать нявэстина дёрить их утиральниками. Потом звали молодых, ставили их «на договор», на одну половицу, спрашивали: согласны ли? Это называли: змóвины» (Бр. Трбч. Любожичи).

В деревне Смелиж, расположенной в самом центре глухих брянских лесов, куда

Ночные свадьбы: когда день и ночь меняются местами

даже немцы не смогли дойти во время оккупации, рассказывали: «Собираются ночью дяды — не то, что молодёжь. Жанихова природа — дядька, какой есть, старики пожилые. Крещенской водой умоются — и пошли. Бярут хлебушка, соль, также и водку — раньше такя большёя четвертя были. Приходят — мёже, в 12, в час. Ночью. Те ж люди спят, где невеста. Стучать. Ну, там догадаются, выходять: Кто там такой?

— Да мы приезжия люди. Говорили, у вас подтёлочек есть продажный. Нам — хотя мы поздно приехали — ну, так нам надо.

Тогда пускают их у хату, огонь запалот, посодятся за стол. Договóрятся. Тады уже, ещё ня пивши водку, пáлят свечку. Становятся, молятся Богу. Эта природа жанихова и тая природа — согласились оны, што дело бúde. Это называется: полóжились на дело. И сидят до утра» (Бр. Сзм. Смелиж, с/с Красная слобода).

Девичник

Также вечером повсеместно совершались обрядовые действия, связанные с прощанием невесты с подругами. «Свадьба начиналась в субботу. Девичник всегда был с вечера. Это сейчас уже садятся утром, а мы садились вечером, попозже» (См. Дрг. Усвятё).

Невеста сидела на вечеру́хе (девичнике) за столом в окружении подруг, перед ней ставили свадебное деревце, чаще всего — ёлку, воткнутую в ковригу (это всё вместе называлось: каравай). Девушки-подневестницы пели девишние, грустные песни. «Она тут, бедняжка, зальётся горькими слезами, а на неё глédя, все сидять и плачуть» (См. Рсл. Крапивна). «Вечером садятся, попозже — не то, что с самого вечера. Он же скажет, когда приедет, жаних — под утро. Сосна стоит, наряженная разными цветами, монистами, ленты вешали вот так кругом» (См. Сфн. Казулино).

Часто девичнику предшествовал ритуал дарения, который совершался и в доме невесты, и в доме жениха. «В субботу вечером начинается свадьба. Уже в субботу к вечеру чтобы вся родня собралась. Приедут, садятся за стол. Пёрва отец с матерью икону снимут, дочку благословлять.

Потом за стол садятся, выпивают, песни поют свадебные. И у жениха тоже так же, и дорют там. У жениха дорить женихова родня, а приезжал со своим свадебным поездом — с поджанишниками и боярами — в полночь. Именно в этот сакральный час начиналась центральная часть свадебного ритуала, которую носители традиции собственно и называют свадьбой: происходила главная встреча представителей двух родов, совершался выкуп невесты и символ её девичества: косы, свадебного деревца. Эти обряды обустроивали её переход в новую семью³. «Вечером, как стемнеет, подружки выводили невесту на крыльцо, она кланялась на четыре стороны, приглашала всех на девичник. Шли в откупленный дом, садились за стол. На столе — ёлка.

³ В традиционной культуре восточных славян можно выделить два типа свадебного ритуала. В научной литературе они получили названия «свадьба-веселье» и «свадьба-похороны». Различие состоит в доминировании одного из ритуальных переходов невесты: территориального (в новую семью) или инициационного (в новую социозрастную группу). Первый широко распространён на южных территориях России, на Украине и в Белоруссии; второй — на Русском Севере.

Все у платочках сидять, у беленьких, невеста хмуренька... Это до двенадцати часов. Ну, а потом уже к двенадцати часам уже сваты за ней едут. С двенадцати часов ночи свадьба начнётся — когда приходит жених невесту выкупать. Приедет жених на лошадях, кони наряженные, с колокольчиками, с бубнами. К 12 часам едут сюды гулять, за невестою едут, а утром уже невесту отправляют под венец» (См. Сфн. Сумароково, с/с Богдановщина).

В полночь приезжал жених со своими боярами. Дружок откупал место за столом и «метил невесту» — накидывал на неё платок. Отдельно откупали ёлку — в сёлах Дорогобужского района она была такой высокой, что полностью загораживала сидящую за столом невесту. Молодых сажали за стол вместе, начиналось застолье. И лишь под утро, когда уже светало, молодых благословляли на расстеленной вывернутой шубе и провожали в дом жениха. По дороге заезжали в церковь, где происходило венчанье. Даже в тех случаях, когда церковь располагалась в другом селе,

Девичник

Ночные свадьбы: когда день и ночь меняются местами

церковный обряд должен был совершаться очень рано. Вероятно, именно с этим связаны ответы информантов на вопрос: «Когда происходило венчание?» — «А как с батюшкой договорятся!»

Иногда свадебный ритуал расширился за счёт дополнительных переходов-переездов из дома невесты в дом жениха и обратно, что вообще очень характерно для южно-русского типа свадьбы. Так, в некоторых деревнях брянского Подесенья молодые отправлялись к венцу отдельно, каждый из своего дома. Обычно это происходило поздним утром, что могло быть связано всё с тем же церковным расписанием: венчанье совершается после литургии. От венца молодые ехали в дом жениха. Иногда дорога была довольно долгой. «Перевенчают, с-под венца везут уже невесту к жениху. Это уж дело к вечеру. Ну, и эти девки приедут, побудут тут, им тоже дадут выпить, закусить. Попеют девки — и пошли уже в нявэстин двор, и нявэсту с собой повяли. А уже вечером поздно, ночью, за нявэстою приезжают на кбнях; если зимою — на возках, если летом — на колёсах. Как приедут — бьют в двери, в ворота. Их не пускают: нельзя, это злодеи! Это воры идут! — Это так шүпать. До того, что ломают дверь. А в хате вечёреют невеста с девками. Ну, тут уже входит дружок, выгоняет ётых девок, а они не йдут! Припевають:

Дай, сват, на мыло,
Што я портки шила...

А потом:

Наша девка не полтинная,
Наша девка сторулёвая!

Ну, кладут им деньги — може, пятака два» (Бр. Трбч. Арельск). В дом жениха на «княжой стол» свадебный поезд приезжал уже утром.

Брачная ночь

В середине застолья — после того, как из-за стола выходили приехавшие с невестой её родственники, уступая своё место родне жениха — молодых вели в клеть или амбар, где для них уже была приготовлена привезённая из дома невесты постель. Перед тем, как молодых оставить одних, иногда совершались действия продуци-

рующего характера. Например, по постели катали дружка со свахой или самого жениха. «Жаниха ужó катають по постели. Просто вот так завальют и прокóгють так» (См. Рсл. Шуи, с/с Крапивна).

Брачная «ночь» — слово «ночь» здесь можно употреблять только в кавычках, поскольку за окном уже было позднее утро — продолжалась недолго.

«Их положат на час. Что-то у них получится... А «вечёрки» — свахи — дожидають, што там у них будет. А тады идуть к ним, где они лежат. Невесту поднимают, рубашку скидають — и несуть её в хату. Песню поють:

Ходила Манечка по лясу,

Носила красу в поясу.

Куляли кушцы — не продала,

Просили хлопцы — не дала!

Это уже честь, хвала» (Бр. Сзм. Смелиж, с/с Красная Слобода).

В сёлах Трубчевского района Брянской области молодых уводили в амбар на два часа, после чего свахи шли поднимать молодых с кашей — «завтрак несли».

В этих рассказах брачная ночь в наших глазах полностью лишена какого бы то ни было романтического ореола; она кажется не интимным таинством, а некоей повинностью под контролем сельской общины. Показательно, что все приведённые примеры относятся к областям русско-белорусского и русско-украинского пограничья, где в течение долгого времени сохранялись реликтовые формы традиционной культуры. На более позднем историческом этапе они ушли из активного бытования. И всё же их следы отчётливо проступают даже в современных версиях свадебного обряда.

Один из важнейших эпизодов свадебного ритуала — повивание невесты (закручивание волос в женскую причёску и надевание женского головного убора) — во многих позднейших версиях обряда, записанных на Смоленщине, совершался в доме жениха, в середине застолья, и целым рядом деталей напоминал приведённые описания брачной ночи. В селе Сукромля Ершицкого района в середине свадебного пира в доме жениха, в тот момент, когда родные невесты выходят из-за стола, невесту вядуть кормить в отдельное помещение. Там ей делают женскую

прическу (плетут две косы и закладывают их), меняют головной убор, надевают чапéц с грибáточками (женский головной убор). Сразу же после этого молодую посылали за водой, заставляли мести пол, танцевать (не хромая ли?). В обычных версиях южнорусской свадьбы такие обрядовые испытания следуют после брачной ночи.

Рассказ о свадебном обряде, записанный в дер. Пензево Дорогобужского района, также свидетельствует о том, что перемена головного убора в клетю (т.е. там, где стелили брачную постель) воспринималась как символическое лишение невесты девственности: «Как посидят за столом, тогда уже невесту превращают в женщину. Отвóдють в клетю, она скидаёт венчальное плáття, другая надяёт. И закручивают подкрутки: волосы на две стороны, укручивают такую ленту и надяют такой чепчик, а сверху завязывают платок. Уже не девушка она, а женщина».

«Ночную свадьбу» можно было бы считать одним из видов южнорусского свадебного ритуала, но некоторые факты свидетельствуют о том, что она имеет более универсальный характер, охватывая и севернорусский тип обряда, так называемую «свадьбу-похороны», и переходные формы ритуала, бытующие в верхнем Поволжье. В частности, ночные версии ритуала зафиксированы в нескольких локальных традициях на территориях «низовской», московской колонизации Русского Севера. На нижней Вычегде (Ленский район Архангельской области) с заката до рассвета в доме невесты проходил центральный этап довенечной части обряда — свáтанье — застолье, в котором участвовали родители жениха и невесты, другие представители их родов. Сватанье включало и выкуп невесты, дарёнье, чин опеования (величания) всех участников свадьбы и, наконец, символическое пропивание головы невесты, когда дружка водил к вину поочерёдно всех родных и гостей (3, II, с. 56-63).

Ещё одно свидетельство содержится в статье Н.П. Колпаковой «Свадебный обряд на реке Пинеге», написанной по материалам комплексной экспедиции Ленинградского Института истории

Зарученье

Ночные свадьбы: когда день и ночь меняются местами

искусств в 1927 году. Эта статья является одним из самых ранних описаний ночной свадьбы, зафиксированной собирателями в деревне Великий Двор, недалеко от города Пинеги. Рассмотрим его подробно.

Центральная часть свадьбы в деревне Великий Двор начиналась тоже с вечера, когда в доме невесты устраивались посиделки. На них собирались все подружки невесты, её сёстры и вся женская родня. Невеста, одетая в коклюшницу — нарядную рубашку с кружевами и в повязку — свадебный головной убор — причитала, прощалась со всеми присутствующими, поочерёдно кланялась им в пояс. Затем следовало расплетание косы, покрывание головы невесты большой шалью, полностью закрывающей

её лицо. С этого момента девушку, как существо, находящееся в состоянии ритуального перехода, водили только под руки. Крёстная — божатка — вела невесту в баню, где она мылась с тремя подругами. Когда они возвращались из бани, мать невесты встречала их с братьней пива. В это время все остальные девушки вбегали в баню и старались схватить веники. Та, которой доставался веник невесты, по приметам должна была выйти замуж в этом же году. Затем устраивалось застолье — последняя ужина, на которое съезжались все родственники невесты. Встав из-за стола, гости шли гулять по деревне, а подружки невесты, переодевшись, садились с ней за стол в ожидании жениха.

Жених приезжал около двух часов пополудни. После того, как он угощал девушек, одаривал их конфетами, к нему выводили на наставку невесту. Она обносила вином всех родственников жениха, а девушки опедали их величальными песнями. В ответ все присутствующие одаривали невесту. Затем её уводили в светёлку, где происходил самый драматичный эпизод ритуала — прощание с дивьей красотой — символом девичества, лентой из косы невесты. Невеста причитала, пыталась помешать подругам, они отнимали ленту насильно. Жених в это время сидел за столом. После краткого застолья около 6 часов утра молодых провожали к венцу.

От венца в 8-9 часов утра поезжане приезжали в дом жениха, где уже собрались его

гости, пришедшие на малый стол. После благословения хлебом и солью в 11 часов молодым подавали кашу и пели им песню:

Тетеря за стол прилетела,
Молодушка спать захотела.
Ивану с похмелья не спится.
Марьюшка на ножечку ступает,
Иванушка спать позывает:
— Пойдём, пойдём, Иванушка, спати,
Да осеннюю ночь коротати.

В постель молодым подкладывали плетено, завёрнутое в тряпки, с приговором: «Перва ночь — сын да дочь!». Застолье в это время продолжалось.

Через два часа (около часу дня) шли будить молодых с песнями эротического содержания. Молодые откупались, передавая через дверь вино и угощение, и затем возвращались к гостям на большой стол.

Ещё одна севернорусская версия ночной свадьбы была зафиксирована Д.М. Балашовым, Ю.И. Марченко и Н.И. Калмыковой на реке Уфтьюге, в Тарногском районе Вологодской области (4). Вся центральная часть ритуала, включающая девичник, приезд женихов⁴, выкуп стола, здравствование невесты жениховой роднёй, прощание с подругами в куты, вывод невесты перед столы — происходила ночью и ранним утром. При этом местные жители именно эту часть свадьбы, а не венчанье и послевенечные обрядовые действия, совершавшиеся в доме жениха, считают главной (4, с. 103). Этой ночью, последней перед венцом, невеста прощалась с весёлой девичьей жизнью. Перед началом девичника она причётом просила у отца «вёлки вольные на всю тёмную ночь» (4, с. 146).

После сидения с подругами в куты и торжественного вывода невесты к гостям устраивались городки или игрушки — последнее в её жизни собрание холостой молодёжи. Музыкальный ряд городков представлял собой причудливое смешение игровых припевок, хороводов и причитаний. Одновременное звучание столь

несходных, противоположных по эмоциональному настрою музыкальных текстов также стирало привычные границы обычного хода времени.

В тарногской свадьбе ясно видна символическая непрерывность ритуала, начавшегося за неделю до венчанья с запорук или закрыванья невесты. Подруги или отец невесты покрывал ей голову и лицо платком. «Так, закрытая, невеста и сидит до самого свадебного дня, не меняя наряда и не снимая платок-фатку даже на ночь» (4, с. 34). Занавешенная, она сидела с подругами, когда они собирались на швально (шли дары для жениха и его родных), и даже спали, «не сывая фаты».

Ежедневные собрания невесты с подругами проходили всегда вечером и продолжались до глубокой ночи. Перед этим, на вечерней заре, девушки ходили причитывать на угор — место летних молодёжных гуляний и игр. Таким образом, этот обычай можно рассматривать как прощание невесты и с родной деревней, и со своей социовозрастной группой.

Ощущение непрерывности обрядового действия, продолжающегося и ночью, запечатлено и в причётных текстах, звучавших в этот период ритуала:

...Дақ уж как ётой-то нбненьки,
Её сцитать-то ведь нёцево.
Уж как ёта-то нбненька
На три трети разлбжона.
Дақ пройдёт ета нбненька
В хитростях да во мудростях.
Перва цясть нбнцьки тёмные
Надо ревить да плакати,
Да битце мне, убиватисе,
Сильно б пол хлестатисе.
Втбра цясть нбнцьки тёмные —
Надо белб умыватисе.
Надо бодрб наряжатисе.
Третья цясть нбнцьки тёмные —
Меня поставит жо батюшко
Середь светлые свитлици,
Середь столовые гбрници,
На стыдливе мистецько... (4, с. 60)

В поморских сёлах, расположенных на берегах Белого моря, свадьбы игрались зимой, от Крещения до масленицы, когда световой день был очень коротким, поэто-

⁴ Женихами здесь называют всех участников свадебного поезда, поезжан; ближайших же спутников, товарищей жениха именуют приборянами или прибором. Поэтому обычно говорят: «Женихи приехали», а если хотят уточнить, то: «Жених приехал с прибором» (4, с. 116).

му они изначально были «ночными». Для местных версий ритуала характерно искусственное создание оппозиции света и тьмы, имеющее большое значение в драматургии обрядового действия. Когда свадебная процессия направляется после венчания в дом жениха, всё село должно быть ярко освещено. Рассказывает Т.И. Махилева, жительница села Сумской Посад Беломорского района Карелии: «Идёт первым из церкви дружка, с огнём — с фонарём — ведёт молодых. А сзади них идут уж все гости. Когда идут по посаду — зажигают в окнах свечки. У кого нет свечей, в окна ставят зажжённые лампы. Сколько на передней улице окон, все быть должны заполнены светом. Пусть даже они на свадьбе не участвуют, но они уважают молодых, и уважения

Ночные свадьбы: когда день и ночь меняются местами

ради горит этот огонь в окнах. Во всём посаде! Вот если вели от церкви в слободу — в каждом доме во всех окнах свет горел. Жгут бочки на реке да всякие керосиновые трипицы» (3, с. 43).

Напротив, встреча молодожёнов с деревенским колдуном-стариком, когда он надевал на них обереги-отпуски, происходила в отдельной комнате с плотно занавешенными окнами, в крошечной тьме. Старик повязывал жениху и невесте на голое тело пояса, чтобы уберечь их от наведения порчи. Пояса были необычными: «Кусочек рыболовной сетки в три ячеи или смоляная верёвочка с привязанным к ней мешочком, в который клали ртуть, овёс или камни с каменицы с трёх бань, или шерстяная нитка с тридцатью узлами» (5, с. 36).

В сёлах Нижегородского Поволжья сватовство разбивалось на несколько самостоятельных эпизодов: стоворы, запой, лады и др., и каждый из них происходил после захода солнца, в тёмное время суток (6, с. 49; 6, с. 70).

Часто ночные эпизоды свадебного обряда являлись продолжением молодёжных собраний, которые проходили здесь с вечера до рассвета. Каждую осень, с Покрова до Пасхи, сельская молодёжь собиралась на ночные посиделки в кельях — так называли избы, откупленные у хозяев на всю зиму. После игр и танцев девушки и парни оставались ночевать в кельях, для чего каждый из них специально приносил туда из дому постель. На предсвадебной неделе невеста приходила в келью «прощальные вечера погоревать» поздно ночью, когда посиделки уже заканчивались. Она садилась в простенке между окнами, причитала на голос (6, с. 50). Накануне девичника поздно вечером невеста и её подруги направлялись в келью и забирали оттуда постель невесты (6, с. 29).

Очевидно сходство всех версий свадебного ритуала. Грань между ночью и днём стирается, возникает особый ритуальный хронотоп. День и ночь в нём как бы меняются местами, и в этой перемене интересно полное отсутствие сна такового и непрерывное бдение, подобное ночным бдениям над покойником.

Показательно, что для ночных свадеб значимыми оказываются те же дни, которые отмечают этапы похоронно-поминального обрядового комплекса. Прежде всего, это 40-й день, который в народе часто обозначается как шесть недель или шестини. Именно в этот день в ряде деревень северной Смоленщины происходит разрезание и деление свадебного обрядового хлеба (своеобразное перераспределение общинной «доли»). Приехав с этим хлебом от венца, поезжане кладут его туда, «где молодые сидят, на тот же стол, только не разрезают. Хлеб этот режут тады ня скоро — через шесть недель. Тогда разрезают этот буханок на четыре части и начинают его съедать. Вот 40 дней проляжить не разрезанный, а потом его разрезают» (См. Сфн. Казулино).

Косвенное подтверждение значимости 40-го дня в свадебном ритуале находим и на нижней Вычегде, в тексте одной из хороводно-игровых песен, приуроченных к свадебному пиру — «красному столу». В этой песне молодую жену обижают и обзывают все родственники жениха: свёкор со свекровью, деверья, невестки, а она молчит и терпеливо выносит все эти издевательства.

А затем следует примечательная фраза:

Шесть неделюшек прошло,

Говорить стало можно́.

По-видимому, только по истечении 40-дневного периода молодая наконец-то получала статус полноправного члена новой семьи.

Другой повсеместно отмечаемой датой в похоронно-поминальном комплексе является год после смерти. Аналог также находим в северно-смоленской свадьбе. «Две бутылки связанные стоят полный год, и тыи уплётъши, что в косе у нявёсти были, висят. Потом тыи уплётъши сымáють, и эти бутылки принóсють, и опять собираются, вроде как свадьба. Самую большую родню собирають. Эти бутылки открывают, год проживши. Уплётъши отдают кому-нибудь своим девчонкам — раньше ленточки эти были дóроги. Ленты, что бутылки связаны и эти, с косы что выплятены, раздают девчонкам» (См. Сфн. Казулино).

Подведём итоги. Ночная свадьба как феномен восточнославянской обрядовой культуры нуждается в специальном изучении. Её можно рассматривать как стадияльно ранний вид свадебного ритуала, в прошлом, по-видимому, широко распространённый на русской этнической территории. Это подтверждается многочисленными пересечениями с другими ритуальными комплексами жизненного цикла и, прежде всего, с похоронно-поминальными обрядами. К сожалению, судить о географии распространения ночных свадеб по имеющимся этнографическим описаниям обряда сложно, так как лишь в отдельных случаях собиратели фиксировали точное время суток, когда совершались те или иные обрядовые действия. Насколько универсальны ночные свадьбы в масштабе восточнославянской свадебной обрядности, а также за пределами славянского мира — покажут будущие исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Колтакова Н.П. *Свадебный обряд на р. Пинеге // Крестьянское искусство СССР. II: Искусство Севера.* — Л.: Academia, 1928. — с. 118-176.

2. *Досюльная свадьба: Песни, игры и танцы в Заонежье, Олонецкой губернии / Собрано и изложено в драматической форме В.Д. Лысановым.* — Петрозаводск: Северная Скоропечатня Р.Г. Кац, 1916.

3. *Русская свадьба: В 2-х т. / Сост. А.В. Кулагина, А.Н. Иванов.* — М.: ГРЦРФ, 2001.

4. Балашов Д.М., Марченко Ю.И., Калмыкова Н.И. *Русская свадьба: Свадебный обряд на Верхней и Средней Кокшеньге и Уфтоге (Тарногский район Вологодской области).* — М.: Современник, 1985.

5. *Русская свадьба Карельского Поморья (в сёлах Колежме и Нюхче) / Изд. Подготовили А.П. Разумова, Т.А. Коски.* — Петрозаводск: Карелия, 1980.

6. *Нижегородская свадьба: Пушкинские места, Нижегородское Поволжье, Ветлужский край: Обряды, причитания, песни, приговоры / Сост. М.А. Лобанов, К.Е. Корепова, отв. ред. М.А. Лобанов.* — СПб.: КультИнформПресс, 1998.

7. *Полевые материалы 1-й Кубанской интернациональной фольклорно-этнографической экспедиции: Динамика традиционной свадебной обрядности ст. Ладожской Усть-Лабинского района (1883-1987 гг.).* — Краснодар: КГУ, 1990.